

УДК 324(470+571)''1991/2013''

ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ В РОССИИ В ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНЫЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ

В.Н. ШИЛОВ
А.П. РЫЛКИНА

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: Shilov@bsu.edu.ru

e-mail: rylkinaalla@rambler.ru

Анализируются причины высокого уровня политической конкуренции в России в 90-е годы прошлого века и ее снижения в начале 21-го века, факторы, способствующие формированию электорального авторитаризма. Рассматриваются отношение политического руководства России к конкуренции, его управление политической конкуренцией. Дается оценка характера и масштабов фальсификаций на выборах.

Ключевые слова: политическая конкуренция, выборы, Россия, В.В. Путин, лекторат, политическая элита, политическая культура, демократия, авторитаризм.

На протяжении почти всего существования СССР выборы в стране были безальтернативными и неконкурентными. Но в перестроечный период состоялись первые альтернативные и конкурентные выборы: таким были выборы в Верховный Совет СССР в марте 1989 г., выборы народных депутатов РСФСР в марте 1990 г. и первые выборы Президента РФ в июне 1991 г.¹ После распада СССР, в постперестроечный период в России происходит дальнейшая институционализация альтернативных выборов и политической конкуренции, до октября 1993 г. еще в рамках позднесоветского периода. На федеральном уровне в этот период выборов не было. Выборы имели место в российских регионах: в них утверждалась выборная практика замещения должностей глав исполнительной власти регионов. Осуществлялся переход от «перестроечной» модели региональных электоральных процессов к «постперестроечной» (модели генезиса)². Эти региональные электоральные процессы происходили при участии новых акторов со стороны государства и при участии как новых, так и «старых» акторов со стороны общества и, как отмечает Н.Б. Чувилина, «характеризовались конкурентным характером взаимоотношений между акторами, представляющими государство и акторами, представляющими гражданское общество»³. Особенностью генезиса региональных электоральных процессов во всех регионах был также их формально беспартийный, но высоко политизированный характер, высокая степень дифференциации регионов по уровню альтернативности, конкурентности, свободы и справедливости выборов глав регионов. При этом для областей, Москвы и Ленинграда в большей мере был характерен альтернативный и конкурентный характер выборов, в то время как для большинства республик была свойственна меньшая конкурентность⁴. Но в целом, за рядом исключений (в Якутии, Тыве, Чечне) «высокая внутриэлитная конфликтность, острая внутриэлитная конкуренция и активность общества обусловили достаточно свободный и конкурентный характер региональных электоральных процессов в большинстве регионов на этапе генезиса»⁵.

В декабре 1993 г. прошли первые выборы в постсоветский период на федеральном уровне. Население избирало как ГД РФ, так и Совет Федерации, утверждался также проект Конституции РФ, согласно которой и создавался парламент новой, постсоветской России. Выборы были остро конкурентными и непредсказуемыми по своим результатам. Неожиданно для всех победителем оказалась ЛДПР, получившая на выборах по партий-

¹ Шилов В.Н., Рылкина А.П. Выборы в истории России: динамика альтернативности и конкурентности // Научные ведомости БелГУ. Сер. «История. Политология. Экономика. Информатика». 2012. № 13 (132). Вып. 23. С. 171.

² Чувилина Н.Б. Особенности российских региональных электоральных процессов на этапе генезиса // Научные ведомости БелГУ. Сер. «История. Политология. Экономика. Информатика». 2011. № 1 (96). Вып. 17. С. 199.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 201.

⁵ Там же. С. 202.

ным спискам 22,92% голосов избирателей, в то время как провластная партия «Выбор России» получила лишь 15,51% (на третьем месте оказалась КПРФ с 12,40%). Последующие выборы в ГД РФ в 1995 г. (в лидеры вырвалась КПРФ) и в 1999 г. (в лидерах осталась КПРФ), также были высоко конкурентными. Весьма острой была борьба и за должность Президента РФ в июне 1996 г. В начале года действовавший Президент РФ Б. Ельцин имел очень низкий уровень поддержки избирателей, его поражение казалось неизбежным. Выборы проходили в два тура. На первом туре разрыв между двумя главными соперниками был минимальным – чуть более 3-х процентов: Б. Ельцин набрал 35,28% голосов избирателей, а Г. Зюганов – 32,03%. Лишь во втором туре, опираясь на массивную поддержку СМИ и благодаря масштабным фальсификациям Б. Ельцин смог оторваться от Г. Зюганова: 53,82% у Б. Ельцина и 40,31% у Г. Зюганова.

В 90-е годы выборы и в ряде регионов России были остро конкурентными, когда действовавшие главы регионов были вынуждены уступить должность своим соперникам. Нечто подобное произошло в 1996 г. в Санкт-Петербурге, когда А. Собчак проиграл на губернаторских выборах своему заместителю В. Яковлеву, что имело уже через 4 года как следствие превращение помощника А. Собчака В. Путина в Президента РФ. В других регионах результаты выборов были достаточно предсказуемы, примером чего может служить Белгородская область. Так в 1995 г. при выборах Главы администрации Белгородской области Е. Савченко уже в первом туре набрал 55,54% голосов избирателей, в то время как его основной соперник М. Бесхмельницын лишь 32,19%⁶. На следующих выборах в 1999 г. разрыв увеличился: Е. Савченко набрал 53,46%, а М. Бесхмельницын лишь 19,71% (значительное число голосов избирателей области взял на себя, участвовавший в выборах В. Жириновский – 17,72%)⁷.

Ситуация в плане политической конкуренции существенно изменилась в 2000-е годы в связи со становлением в России по существу новой политической системы, которая от предыдущей отличалась пониженным плюрализмом и повышенной авторитарностью и централизмом.

«Ельцинский» период, (90-е годы) характеризовался значительной свободой политической элиты и всего государственно-бюрократического аппарата. Имела место борьба различных региональных, экономических кланов, действовавших зачастую вопреки интересам общества. Партии являлись инструментом в этой борьбе. Президент, теряющий поддержку населения, был не в силах удержать ситуацию под контролем. Можно согласиться с мнением К. Рогова, что «высокий уровень политической конкуренции в России 1990-х, отразившийся в исходах выборов 1993, 1995, 1996, 1999 годов (отсутствие доминирующего игрока, минимальный разрыв между основными конкурентами), при чрезвычайно низком уровне реальной обеспеченности и защищенности прав граждан, позволяет характеризовать этот режим как конкурентную олигархию»⁸.

Но на выборах в 2000-м г. В. Путин получает поддержку большинства населения: уже в первом туре ему отдают предпочтение 52,99% избирателей. При этом он значительно оторвался от своего основного соперника Г. Зюганова, получившего лишь 29,24%. В. Путин становится доминантным актором, имеющим право на последнее слово в принятии решений. Но персоналистский авторитарный режим, не выполнил бы задачу установления контроля над политической элитой, особенно региональной, и миллионным массивом чиновников. Был взят курс на формирование партийного авторитаризма. В подтверждение этого тезиса уместно привести следующее высказывание Б.В. Межуева, многое объясняющее в современной политической жизни России: «Горбачевский, а впоследствии ельцинский режим продемонстрировали, что расчет на сильную президентскую власть при отсутствии партийных механизмов консолидации и мобилизации региональной элиты не только сводит на нет все усилия по модернизации, но и приводит государственную систему к краху. Межпартийная конкуренция используется экономиче-

⁶ Выборы главы администрации Белгородской области. 1995 год. Общие итоги выборов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://belgorod.izbirkom.ru/way/933700/sx/art/933696/cp/1/br/933692.html>

⁷ Выборы главы администрации Белгородской области. 1999 год. Общие итоги выборов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://belgorod.izbirkom.ru/way/933703/sx/art/933711/cp/1/br/933693.html>

⁸ Рогов К. Политические циклы постсоветского транзита // Pro et Contra. Июль-октябрь 2012. Т. 16. № 4-5. С. 7.

скими, а зачастую и криминальными кланами в целях извлечения корпоративных преимуществ, либо легализации нажитых незаконным путем состояний. Любое политическое давление центра на региональные элиты и тем более эффективный правовой контроль над ними в этой ситуации оказывается невозможен. Восстановление коллапсирующей государственности мыслимо в этом случае исключительно с помощью использования возможностей суперпрезидентского режима, а это сразу же актуализирует угрозу его превращения в режим личной власти по образцу некоторых развивающихся стран. Поэтому участие мощной партийной структуры в деле формирования как региональной, так и федеральной властей является возможной альтернативой развития в период того модернизационного процесса, который проходит в настоящий момент Россия»⁹.

Объединение политической элиты, выстраивание ее в своеобразную иерархическую пирамиду произошло в декабре 2000 г. в рамках партии «Единая Россия», на базе возникших ранее и конкурировавших друг с другом на выборах в ГД РФ в 1999 г. партии «Единство» (лидер — Сергей Шойгу), движения «Отечество» (Юрий Лужков) и движения «Вся Россия» (Минтимер Шаймиев). Уже на ближайших выборах в ГД РФ 2003 г. «ЕР» стала несомненным победителем в избирательной борьбе заручившись поддержкой 37,57% избирателей в выборах по партийным спискам (следующей по успешности была КПРФ с 12,61% голосов) и получив 120 депутатских мест. Вместе с «одномандатниками» (103) «Единая Россия» получила 223 депутатских места, вплотную приблизившись к завоеванию большинства.

На выборах Президента РФ в 2004 г. В. Путин набрал уже 71,31% голосов избирателей. Вслед за этим, на выборах в ГД РФ в 2007 г., проходивших не по смешанной, а по пропорциональной системе, партия «Единая Россия», позиционирующая себя как «партия Путина», получила уже 64,3% голосов и 315 депутатских мандатов, то есть конституционное большинство в нижней палате российского парламента. Подавляющая часть глав регионов также примкнули к «Единой России».

Основной массив российской политической элиты концентрируется возле политического лидера, В. Путина, выступающего в виде доминантного актора. Если в «ельцинский период» электоральный успех сопутствовал тем, кто противопоставлял себя фигуре непопулярного в массах президента Б. Ельцина, то в «путинский период», наоборот, политическая элита демонстрирует свою близость к В. Путину: это становится более эффективной стратегией вхождения во власть. Основная масса элиты перестает быть самостоятельным игроком на политической сцене. При этом и партия «Единая Россия» является лишь инструментом в руках национального лидера — В. Путина.

Как отмечает К. Рогов, сравнивая «путинский» и «ельцинский» периоды, «высокая поддержка режима «снизу» способствует консолидации элит вокруг инкумбента и в результате позволяет выстраивать эффективные институты электорального авторитаризма. Напротив, слабая поддержка провоцирует оппортунистические стратегии элит, использующих слабость режима в своих целях и поддерживающих расколы на разных уровнях, что препятствует его консолидации, делая его еще менее привлекательным в глазах населения»¹⁰.

Экономической базой успешности режима В.Путина, а соответственно и его популярности, явились резко возросшие цены на энергоносители. Доходы от продажи нефтегазовых ресурсов составляют примерно половину бюджета страны. В стране осуществляется сильная перераспределительная политика и поддержка патерналистски настроенных слоев населения, значительная часть дохода которых составляют поступления от государства. Как по этому поводу пишет Б. Макаренко, «в переходных обществах «ресурсное проклятие» зачастую предопределяет вектор политического курса... элиты в этих странах мотивированы на концентрацию властных полномочий, максимизацию экономической и политической ренты. Стремление монополизировать эту ренту усугубляется страхами ее утраты; доминированию власти в таких государствах труднее бросить вызов»¹¹.

⁹ Межуев Б.В. Перспективы политической модернизации России // Полис. 2010. № 6. С.16-17.

¹⁰ Рогов К. Политические циклы постсоветского транзита. С.8.

¹¹ Макаренко Б. Рамки развития политической системы // Pro et Contra. Июль-октябрь 2012. Т. 16. № 4-5. С. 87.

В силу того, что В. Путин становится вне конкуренции со стороны других политических лидеров, вне конкуренции становится и «пропутинская» партия «Единая Россия». Так динамику конкуренции можно показать на примере выборов в ГД РФ. По достаточно сложной методике это делает В.Я. Гельман¹², более простой подход предлагает Е.Г. Ясин. Он пишет: «Страна считается демократической только в том случае, если ее политический спектр содержит, по меньшей мере, две партии, которые имеют реальные шансы партии прийти к власти в результате выборов»¹³. О нечто подобном говорит и К. Джанда: «Мы рассматриваем парламентскую партийную систему как конкурентную, если существует партия, способная составить конкуренцию и, возможно, превзойти наиболее крупную партию в контроле над правительством... Для операционализации понятия «конкурентность партийной системы» мы используем процент мест, подконтрольных второй по величине партии после выборов «с экспериментальным статусом». Эта переменная носит название «партия № 2»¹⁴. Мы полагаем, что более показательным для измерения уровня конкурентности будет показатель разрыва между партией-победительницей и второй за ней по уровню успешности в борьбе за голоса избирателя партией. Применительно к выборам в ГД РФ можно привести следующую таблицу¹⁵.

Таблица

Год выборов в ГД РФ	Первая по численности полученных голосов избирателей партия (лидер № 1) и процент полученных голосов	Вторая по численности полученных голосов избирателей партия (лидер № 2) и процент полученных голосов	Разрыв между двумя партиями-лидерами
1994	ЛДПР – 22,92	Выбор России- 15,51	7,41
1996	КПРФ -22,30	Наш дом Россия – 10,13	12,17
2000	КПРФ -24,29	«Единство» – 23,32	0,97
2003	«Единая Россия» – 37,57	КПРФ -12,61	24,96
2007	«Единая Россия» -64,30	КПРФ – 11,57	52,73
2011	«Единая Россия» – 49,32	КПРФ -19,19	30,13

Снижение в современной России межпартийной конкуренции как главной составляющей политической конкуренции отмечалось до выборов в ГД РФ в 2011 г. всеми исследователями и политическими практиками¹⁶. При этом были различны оценки самого факта снижения политической конкуренции, а также причин и возможных последствий этого снижения.

Достаточно были распространены оценки алармистского, обвинительного характера. Так член Общественной палаты РФ, профессор-юрист Е.А. Лукьянова отмечала: «С точки зрения политической конкуренции в обществе мы вернулись практически к тому же состоянию, от которого сознательно уходили двадцать лет назад»¹⁷.

Действительно, если исходить из западных моделей модернизации, демократического транзита как ее элемента, то снижение политической конкуренции – это проявление политической демодернизации. Поэтому лидер партии «Яблоко» С. Митрохин говорил о

¹² Гельман В.Я. Политические партии в России: от конкуренции – к иерархии // Полис. 2008. № 5. С. 136.

¹³ Ясин Е.Г. Приживется ли демократия в России. М., 2012. С. 209.

¹⁴ «Governance», верховенство закона и партийные системы // Политическая наука. 2010. № 6. С. 132.

¹⁵ Таблица составлена по данным см.: Выборы в Государственную думу [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Выборы_в_Государственную_думу#.Do.93.Do.BE.D1.81.D1.83.Do.B4.Do.Bo.D1.80.D1.81.D1.82.Do.B2.Do.B5.Do.BD.Do.BD.Do.Bo.D1.8F_.Do.B4.D1.83.Do.BC.Do.Bo_.Do.Ao.Do.BE.D1.81.D1.81.Do.B8.Do.B8_1_.D1.81.Do.BE.Do.B7.D1.8B.Do.B2.Do.Bo_.281994.E2.80.941996.29

¹⁶ См.: Вишневский Б. Л. Политическая конкуренция в России: хроника снижения // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2007. №2; Гельман В.Я. Указ. соч.; Чувилина Н.Б. Особенности электоральных процессов в Республике Башкортостан в избирательных кампаниях 2007-2008 гг. // Научные ведомости БелГУ. Сер. «История. Политология. Экономика. Информатика». 2009. № 9 (64). Вып. 11; Шилов В.Н. К вопросу о межпартийной конкуренции в современной России // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 4 (17); он же. Межпартийная конкуренция в России: современные реалии и перспективы // Научные ведомости БелГУ. Сер. «История. Политология. Экономика. Информатика». 2011. № 1 (96). Вып. 17; и др.

¹⁷ Лукьянова Е.А. Конкуренция в политике = конкуренция в бизнесе? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.polit.ru/dossie/2007/04/24/freedom1.html>

том, что «нынешняя политическая система несовместима с модернизацией. Наоборот, так же, как и коммунистическая система времён позднего СССР, она фактически запрограммирована на стагнацию, демодернизацию и в конечном счёте на деградацию страны»¹⁸.

Укрепление позиций В. Путина вследствие повышения его популярности у масс сделало возможным вообще сужение сферы демократической политической конкуренции. Так с 2005 г. были отменены выборы населением глав регионов. Их по существу стал отбирать среди претендентов на должность сам президент: авторитарная конкуренция здесь вытеснила конкуренцию демократическую. Некоторые исследователи связывают данную законодательную новацию с неудачами «ЕР» на выборах в региональных законодательных собраниях в 2004 – первой половине 2005 гг. Как отмечает Е.А. Лазарев, «это произошло потому, что региональные лидеры стремились диверсифицировать портфель своих политических активов и поддерживали на выборах в легислатуры разные партии и региональные блоки. Для Центра такая стратегия губернаторов оказалась чревата политическими рисками, поэтому посредством электоральной инженерии и прямого вмешательства в политический процесс Кремль заставил региональных лидеров от нее отказаться»¹⁹.

Во многих регионах выборы глав муниципальных образований населением были заменены их выборами депутатами данного муниципального образования.

На уровне регионов, после 2005 г., отмечают Н.Б. Чувиллина, наблюдалось усиление возможностей государства контролировать партийную сферу и ограничивать партийную конкуренцию. Закономерным итогом чего стало снижение уровня конкуренции на региональных выборах²⁰.

В 2000-е годы политический режим России явно «дрейфует» в сторону авторитарного политического режима, ибо основные решения принимает, по существу, один человек. Все остальные либо выполняют его указания, либо противостоят ему без каких-либо реальных шансов на успех. В значительной мере упрек России в том, что ее политический режим представляет собой некий гибрид, справедлив в том плане, что судьба искателей власти в России часто зависят от решений верховного центра или иной вышестоящей инстанции, нежели от симпатий населения, то есть в России удельный вес авторитарной политической конкуренции значителен²¹.

Но данная ситуация не является следствием произвола носителей власти, а их стремлением следовать особенностям социальной среды и конкретной исторической ситуации. Поэтому не следует демонизировать власть, как это делают многие представители оппозиции. Было бы большим упрощением ограничивать идеологию власти только административной логикой и своекорыстными мотивами удержания власти любой ценой²². Слишком категорично звучит и заявление И.И. Глебовой, утверждающий, что «режим 2000-х не выдерживает нагрузки конкуренцией, оппозицией, критикой...»²³ Более сдержанно выражается Е.Г. Ясин, когда он пишет, что «даже если, предположим, Путин стремился к демократизации и политической конкуренции, то в какой-то момент он столкнулся с дилеммой: либо неопределенность, свойственная демократии, либо управляемость демократии. Российский президент выбрал второй вариант»²⁴. С этим высказы-

¹⁸ Стенографический отчет о заседании Государственного совета по вопросам развития политической системы России. 22.01.2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/transcripts/6693>

¹⁹ Лазарев Е.А. Влияние федерализма на партийную систему в недемократических государствах // Политические партии и политическая конкуренция в демократических и недемократических режимах. М., 2010. с. 71.

²⁰ Чувиллина Н.Б. Тенденции развития российских региональных электоральных процессов на этапе централизации власти в Российской Федерации // Власть. 2012. № 10. С. 70-73; она же. Эволюция российских региональных электоральных процессов в условиях институционально оформленного доминирования федеральных акторов в региональных политических процессах (2005-2011 гг.) // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2012. № 19(138). Вып. 24. С. 142-149.

²¹ О разнице между демократической и авторитарной политической конкуренциями подробнее см.: Шилов В.Н., Рылкина А.П. Политическая конкуренция: термин, понятие, форма деятельности // Научные ведомости БелГУ. Сер. «История. Политология. Экономика. Информатика». 2011. № 13(108). Вып. 19. С. 180.

²² См. об этом: Розов Н.С. Специфика «русской власти», ее ментальные структуры, ритуальные практики и институты // Полис. 2011. № 1. С.35.

²³ Глебова И.И. Русская власть и ее партии // Политическая концептология. 2011. № 3. С. 130.

²⁴ Ясин Е.Г. Указ. соч. С. 234.

ванием можно согласиться. Действительно, был выбран вариант управляемой, имитационной демократии (но демократии!), где форма не совпадает с содержанием, где реальная политическая практика отдалена от формальных институтов. Но эти институты, опережающие в своем демократизме и либерализме политическую культуру действующих политических акторов, способствуют формированию новых ценностей, новой культуры и, соответственно, новых акторов.

В действиях В. Путина и его окружения мы можем проследить как логику администратора, так и логику политического деятеля. В этом плане весьма показательным имевшее место в 2000-е гг. стремление власти уменьшить число политических партий. По этому поводу С. Хантингтон писал: «Администратор, противящийся партиям, признает необходимость рационализировать социальные и экономические структуры. В то же время он против подразумеваемого модернизацией расширения участия народа в политике. Его идеал — бюрократия, цель — эффективность и избегание конфликта. Партии в его глазах лишь вносят иррациональные и своекорыстные мотивы, препятствующие эффективному преследованию целей, относительно ценности которых каждый должен быть согласен»²⁵.

Но в действиях политического руководства страны есть и логика политического деятеля, который стремится сохранить возможность политического представительства различных групп населения страны, возможность самореализации в сфере политики активных и амбициозных индивидов. Было бы неверно сокращение публичной конкуренции (отмена выборов глав регионов, сокращение числа партий, отмена выборов в ГД РФ по одномандатным округам и др.) расценивать как ставку руководства страны на сворачивание политической конкуренции в целом. Речь идет о том, чтобы придать процессам политической конкуренции и демократизации в целом управляемого характера. Политическая конкуренция всегда рассматривалась как важный политический институт, который нужно развивать. В этом плане показательным следующее высказывание Д. Медведева сделанное в ноябре 2010 г.: «Не секрет, что с определённого периода в нашей политической жизни стали появляться симптомы застоя, возникла угроза превращения стабильности в фактор стагнации. А такой застой одинаково губителен и для правящей партии, и для оппозиционных сил. Если у оппозиции нет ни малейшего шанса выиграть в честной борьбе — она деградирует и становится маргинальной. Но если у правящей партии нет шансов нигде и никогда проиграть, она просто «бронзовеет» и в конечном счёте тоже деградирует, как любой живой организм, который остаётся без движения»²⁶.

Если говорить об управлении предложением политического рынка, то нужно отметить, что президент и его администрация с начала 2000-х гг. активно включились в проектирование партийной системы²⁷. При этом в уменьшении числа партий сверхзадачей было не административное по духу упрощение политического процесса, а повышение статуса партий и большая партийность, партийная структурированность политического процесса. При этом прав Гельман в том, что «в то время как российский политический режим в 1990-е годы был конкурентным, но по преимуществу непартийным, в 2000-е годы он становится все более и более партийным и все менее и менее конкурентным»²⁸.

Нужно отметить, что критически настроенные по отношению к власти исследователи и оппозиционеры в любом изменении партийного и электорального законодательства в 2000-е гг. видели попытки обеспечить преимущества в конкурентной борьбе для провластных политических сил, технологии искажения воли избирателей²⁹. При этом

²⁵ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004. С. 398.

²⁶ Медведев Д. Наша демократия несовершенна, мы это прекрасно понимаем. Но мы идём вперёд. Запись в блоге [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/9599>

²⁷ Михалева Г.М. Роль оппозиции и псевдооппозиции в партийной системе России // Политические партии и политическая конкуренция в демократических и недемократических режимах. М., 2010. С. 80-82; Третьяков Д.Г. Основные тенденции эволюции электоральной функциональности партий в современной России // Известия Саратовского университета. 2012. Т.12. Сер. «Социология. Политология». Вып. 1. С. 111-113; Чувилина Н.Б. Эволюция российских региональных электоральных процессов в условиях институционально оформленного доминирования федеральных акторов в региональных политических процессах (2005-2011 гг.) С. 143-144; Ясин Е.Г. Указ. соч. С. 215-218.

²⁸ Гельман В.Я. Указ. соч. С. 137.

²⁹ Об этом см.: Федоров В.В. Русский выбор. Введение в теорию электорального поведения. М., 2010. С. 97-99.

критиками власти кроме изменения закона о партиях, перевода парламентских выборов на полностью пропорциональную, а выборов в местные законодательные собрания – на частично пропорциональную систему, упоминались повышение заградительного барьера, отсекающего от парламентских кресел партии, набравшие меньше 7% голосов, ужесточение правил регистрации кандидатов и партийных списков, отмена голосований «против всех» и порога явки на выборы³⁰.

Действительно все эти изменения в законодательстве были, но партия власти не приобрела существенных преимуществ. А с введением пропорциональной системы у «ЕР» появились лишние проблемы, ибо ей проще получать голоса за счет одномандатников. Как показывает электоральная практика с отменой одномандатных округов при выборах в ГД и обязательном выборе не менее половины депутатов законодательных собраний по партийным спискам роль партийной оппозиции и политической конкуренции возросла. Выборы по партийным спискам привели и к приданию политической конкуренции реального характера. Так на выборах в Областную думу Белгородской области в октябре 2010 г. по 17 одномандатным округам победили выдвиженцы одной партии – «Единой России» и самовыдвиженцы, в то же время по единому избирательному округу из 18 мандатов у «Единой России» – лишь 12. Если бы выборы проходили только по одномандатным округам, то вполне возможно областной парламент был бы однопартийным.

Пропорциональная система дает шанс всем партиям, в том числе и непарламентским, и на муниципальных выборах. В этом плане характерен пример с выборами в марте 2010 г. в Тульскую городскую думу, где выборы проходили исключительно по партийным спискам (по пропорциональной системе). Из 35 депутатских мандатов «Единая Россия» получила 16 депутатских мандатов, КПРФ – 6 мандатов, «Справедливая Россия» – 6, ЛДПР – 3, «Яблоко» – 4 депутатских мандата. То есть партия власти не набрала даже половины мандатов. В то же время на выборах депутатов Липецкого городского Совета депутатов такое же количество депутатов – 35 избирались по мажоритарной избирательной системе, то есть по одномандатным округам. Среди политических партий мандаты распределились следующим образом: «Единая Россия» получила 91,43 %, кандидаты, выдвинутые в порядке самовыдвижения – 8,57 % от общего числа замещаемых мандатов. Подобное случилось и при выборах Совета депутатов города Белгорода в 2008 г.: все 27 депутатов – представители «Единой России». Здесь мы имеем дело с явной монополией партии власти. Если бы выборы проходили по партийным спискам, подобной монополии не было бы. Введение на муниципальных выборах пропорциональной составляющей оживило политическую конкуренцию позволило тем или иным группировкам элиты под «партийным флагом» войти в органы власти, что бы они не смогли сделать в условиях доминирования мажоритарной системы.

И можно согласиться с В.В. Федоровым, что «к схожему эффекту привела и отмена возможностей голосовать «против всех»: абсурдно предполагать, что избиратели, раньше выбиравшие этот пункт и планировавшие голосовать против всех вновь, лишившись этой возможности, проголосуют за правящую партию! Скорее всего, они проголосуют за одну из оппозиционных партий или вообще проигнорируют выборы. Тогда как прежде голоса, отданные против всех, пропорционально перераспределялись между всеми партиями, участвовавшими в выборах. То есть «Единая Россия» от отмены «против всех» проиграла, тогда как оппозиционные партии – выиграли»³¹.

При проектировании и выстраивании политической системы, управлении политической конкуренцией со стороны президента и его администрации далеко не все удалось. Вполне удачным оказался партийный проект «Единая Россия», как проект партии власти. Менее удачным была реализация проекта «Справедливая Россия» – эта партия оказалась жизнеспособной и даже парламентской, но своей цели, объединение левых и левоцентристских политических сил, где главным было поглощение КПРФ, не выполнила. До сих пор, несмотря на усилия Кремля, в стране отсутствует мощная правая партия: ГД РФ имеет «левое крыло» (две партии) и не имеет «правого крыла». Хотя на выборах в декабре 2011 г. партия «Правое дело», партия праволиберальной идеологической направленности, при-

³⁰См.: Бузин А.Ю., Любарев А.Е. Преступление без наказания: Административные избирательные технологии федеральных выборов 2007-2008 годов. М., 2008. С. 30-42.

³¹ Федоров В.В. Указ. соч. С. 101-102.

нимала участие, но не сумела преодолеть 7-процентный барьер: она набрала лишь 0,60% голосов избирателей. В то же время задача осуществления непопулярных реформ требует наличия правой партии в парламенте страны: она взяла бы на себя ряд законодательных инициатив, которые не решается вносить партия власти, партия центристская, вынужденная проводить право-левую политику. В правой, либеральной партии нуждается и значительная часть электората – примерно 10-15% населения России³². Таким образом, на политико-партийном рынке нет товара, на который есть спрос.

При этом вряд ли можно согласиться с аналитиками Левада-Центра, говорящими о крайней узости спектра партий, допущенных в 2011 г. к думским выборам, в частности, об отсутствии удовлетворения запроса на социал-демократию³³. Спрос на левоцентристскую партию, партию социал-демократического формата в значительной мере удовлетворяет «Справедливая Россия», являющаяся членом Социалистического Интернационала, объединяющего социал-демократические, социалистические, лейбористские партии всего мира.

Следует отметить, что рационализм кремлевских политтехнологов столкнулся с растущим недовольством, нетерпением определенной части населения России, носителями новой политической культуры гражданской активности, которая несет в себе желания участвовать в принятии политических решений, выдвижении политических проектов. Массовые протесты в декабре 2011 г. спровоцировали не только реально имевшие место фальсификации на выборах в ГД РФ. Недовольство вызывала и низкая степень конкурентности в формировании органов власти, отсутствие каналов, лифтов для попадания во властные структуры амбициозных, критически настроенных людей. Ограниченный партийный плюрализм привел и к снижению легитимности власти. В связи с этим действующая власть пошла на ряд шагов, обеспечивающих повышение конкурентного начала в формировании органов власти: возвращены прямые выборы населением глав регионов, с 7% до 5% снижен процентный барьер для прохождения партий в ГД РФ. Кардинально были расширены рамки партийного плюрализма: в 80 раз снижена планка минимальной численности партий – с 40 тыс. до 500 членов³⁴. Число партий стало быстро расти: к маю 2013 г. их количество достигло 65 партий³⁵.

Подобные изменения в законодательстве рядом аналитиков были расценены как грамотная и взвешенная политика, как шаги к более гибкой и тонкой системе управления страной, что позволило преодолеть турбулентность общества, его раскол, удержаться от «силового сценария», к которому подталкивали организаторы протестных акций³⁶.

Расширение сфер демократической политической конкуренции, обусловленное возвращением к выборам глав регионов непосредственно населением регионов, связано и с возвращением к практике выбора населением глав муниципальных образований, там, где она была прекращена.

Разумеется, институционализация политической конкуренции предполагает, что она проходит по правилам, является честной конкуренцией. Между тем масштабы фальсификации в электоральных процессах в России остаются значительными: эти фальсификации как раньше, так и сейчас происходят, главным образом, путем использования административного ресурса. При этом в 2000-е годы фальсификаций не стало больше, чем в 1990-е годы, однако изменилось отношение общества к ним: оно стало более чувствительно к ним, что явилось причиной масштабных протестов. Согласно данным Лева-

³² О месте либеральных сил в политическом спектре современной России см.: Попова О.В. Политика современного российского государства в отношении несистемной оппозиции // Политические партии и политическая конкуренция... С. 99; Российские парламентские выборы: Электоральный процесс при авторитарном режиме. М., 2012. С. 14-15 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.levada.ru/sites/default/files/levada-elections2011_0.pdf

³³ Российские парламентские выборы... С. 15.

³⁴ Подробнее об этом см.: Максимов А.М. Эволюция российской партийной системы в апреле-июле 2012 г. // Научные ведомости БелГУ. Сер. «История. Политология. Экономика. Информатика». 2012. № 19 (138). Вып. 24. С. 150-153.

³⁵ Список зарегистрированных политических партий [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://minjust.ru/nko/gosreg/partii/spisok>

³⁶ Итоги политического года: турбулентность преодолена? М., 2012. Центр политической информации. С. 5-7 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.polit-info.ru/press-center/news/20.htm>

да-Центра, если по результатам предыдущих выборов в ГД РФ 2007 года «их назвали честными... 60% россиян, а нечестными – 20%, то сразу после выборов 2011 г., в середине декабря, относительное большинство взрослого населения России (45 против 35%) оценили их как нечестные»³⁷. Именно после выборов в ГД РФ в 2011 г. протесты против их фальсификации имели наибольший размах.

При этом оценка масштабов фальсификации со стороны оппозиции была явно не точной. Об этом говорится даже в докладе «Центра Юрия Левады», который достаточно критично относится к действиям власти и открыто симпатизирует оппозиции. «То, что часть голосов избирателей были отняты у оппозиционных «Единой России» партий или у кандидатов, противостоящих Путину, мало кто ставит под сомнение, спор идет о величине этих манипуляций с голосами: наиболее радикальные выступавшие заявляют, что сфальсифицированы 13 млн. голосов (17% от проголосовавших) или даже больше, более умеренные правозащитники и наблюдатели называют цифру 7 млн. (10%). Но и те, и другие объединяются против социологов Левада-Центра, которые приводят цифру в 3.5-4 млн. голосов (4-6% в зависимости от предполагаемого числа «реальных» избирателей). Специалистов Центра подозревают в том, что они «работают на Кремль» и «корректируют свои данные» с учетом запросов путинской администрации. Или наоборот, что ЦИК корректирует свои данные с учетом сфальсифицированных данных опросов Левада-центра»³⁸. Аналитики Левада-центра призывают, с чем необходимо согласиться «разделять «нечестность выборов», то есть несоответствие их демократическим стандартам, обусловленные авторитарным характером политической системы (использованием административного ресурса, избирательным правоприменением, произволом исполнительной власти и проч.), и прямые подлоги и фальсификации результатов голосования (вбросы бюллетеней, переписывание протоколов и т.п. искажения данных о голосовании избирателей). Но чтобы четко разделить эти плоскости анализа, необходимо ясно представлять себе, что мы имеем дело с разными типами избирательного поведения»³⁹.

По мнению авторов Аналитического доклада Левада-Центра, «общий объем всех рациональных типов избирательного поведения в сегодняшней России можно оценить ориентировочно в 35-40% (включая и лояльных к власти респондентов или даже отказ от выборов, который составляет 6-8% от общего числа избирателей). Масштаб инерционно-конформистского или привычно-покорного поведения избирателей в условиях слабого авторитарного режима – в 45-50%, индифферентного неголосования – в 10-15%. Именно такие распределения типов массового сознания фиксируются регулярными социологическими исследованиями. Без учета различий в типах мотивации электорального поведения возникает опасность включения в категорию «фальсификации» многочисленных вариантов покорно-конформистского поведения»⁴⁰.

Преувеличение масштабов фальсификации со стороны протестантов связано с абсолютизацией собственной позиции, заключающейся в противостоянии «партии власти». Согласно данным опроса участников митинга на проспекте Сахарова, голосовавших за «Справедливую Россию» среди них было 12%, за ЛДПР – 7%, за КПРФ -19%, за «Яблоко» -38%, а за «Единую Россию» – 0,4%, испортили бюллетень – 7%, не голосовали -13%. Подобный же расклад политических симпатий был также среди участников шествия 4 февраля 2012 г.⁴¹ По мнению участников митинга, также как они должны были голосовать и другие избиратели, а если официальные результаты свидетельствуют об иных предпочтениях граждан России, то эти данные сфальсифицированы. Но нужно согласиться с мнением директора ВЦИОМ В.В. Федорова, что «... в отсутствие убедительных социологических данных, отличающихся от официальных результатов голосований, любая попытка объявить их сфальсифицированными по определению является голословной пристрастной и политически ангажированной»⁴². Также он пишет о том, что попыт-

³⁷ Российские парламентские выборы... С. 27.

³⁸ Там же. С. 34.

³⁹ Там же. С. 39.

⁴⁰ Там же. С. 41.

⁴¹ Там же. С. 32-34.

⁴² Федоров В.В. Указ. соч. С. 106.

ки оппозиции и вести параллельный подсчет голосов привели к результатам, сходным с официальными⁴³.

Можно сказать, что неверная оценка не только масштабов фальсификаций, но самих электоральных намерений населения, связана с плохим знанием оппозиции своей страны, доминирующей в ней электоральной культуры и политической культуры в целом, абсолютизацией своих политических ценностей, игнорированием самой возможности, что это ценности и взгляды не большинства, а меньшинства.

Несомненно, прав С.Г. Зырянов, утверждающий, что «получившая в современной России, в силу низкого уровня политической и гражданской институционализации, преимущественная практика применения манипулятивных политических технологий, в начале XXI в. монополизирована административно-политическими элитами и ориентирована на расширение «управляемого электората»⁴⁴. Оппозиционные силы России часто говорят даже о тотальной управляемости выборами со стороны власти, но не надо преувеличивать степень управляемости выборами и политической конкуренцией. Управление электоральными процессами дает какие-то положительные результаты при успешной политике власти. Неудачная политика российской власти, какой она была в 90-е гг., сопровождалась и неудачами в партийном проектировании и в обеспечении нужных власти результатов политической конкуренции. Тогда так и не удалось создать доминирующую партию власти (прокремлевская партия «Наш дом Россия» набрала на выборах в 1995 г. только 10,13% голосов избирателей)⁴⁵, следствием чего была изнурительная борьба Президента РФ Б. Ельцина с законодательной властью в лице ГД РФ. В свою очередь успешная политика В. Путина позволила в 2003 г. «кремлевскому проекту» – партии «Единая Россия» – получить в ГД РФ конституционное большинство. Но финансово-экономический кризис, начавшийся в 2008 г., ухудшил или, по крайней мере, не улучшил положение многих россиян, уже привыкших к положительной динамике развития России и росту своих доходов, поэтому на выборах в ГД РФ в декабре 2011 г. партия «Единая Россия» потеряла конституционное большинство в нижней палате российского парламента: она сейчас там имеет 238 мест из 450 против 315 в прежнем созыве. При выборах Президента РФ в 2012 г. В. Путин не смог повторить предыдущие электоральные рекорды: он получил 63,6% голосов избирателей против 71,3% в 2004 г. Разрыв между В. Путиным и наиболее успешным соперником сократился с 57,6% в 2004 г. до 46,4% в 2012 г. Оппозиционные силы полагали, что данная тенденция снижения популярности действующей власти будет продолжена, и ожидали дальнейшего обострения конкуренции, как возрастания шансов оппозиционных сил на победу. Но углубления социально-экономического кризиса не произошло, власть и в центре и на местах сохранила позитивную динамику общественных процессов, поэтому вопреки ожиданиям оппозиции региональные выборы, прошедшие в единый день голосования в октябре 2012 г. показали достаточно высокий уровень поддержки действующей власти со стороны населения: везде на выборах в региональные законодательные собрания победила «Единая Россия» (она сохранила там большинство депутатских мандатов), а на выборах глав регионов уже в первом туре со значительным перевесом победили выдвиженцы этой партии власти.

На наш взгляд В. В. Федоров верно отметил, что «секрет успеха Путина в том, что ... он двигался в русле общественных ожиданий, опирался на возрождающиеся традиционные российские ценности и архетипы»... Если вкратце сформулировать суть PR-концепции его имиджа, то она состоит в персонализации надежд и ожиданий большинства населения в личности политического лидера»⁴⁶ ...Массовый запрос на стабильность был удовлетворен в полной мере. В этом смысле Путина можно считать демократическим лидером – ведь он точно следовал пожеланиями большинства населения страны!»⁴⁷

⁴³ Там же. С. 94-95.

⁴⁴ Зырянов С.Г. Современные электоральные процессы: взаимосвязь поведенческого и институционального аспектов (политологический анализ): автореф. дис ... д-ра полит. наук. Ростов-н/Дону, 2008. С. 17.

⁴⁵ Ясин Е.Г. Указ. соч. С. 215.

⁴⁶ Федоров В.В. Указ. соч. С. 328.

⁴⁷ Там же. С. 343.

Электоральный успех «Единой России» обусловлен тем, что, как отмечает В.Я. Гельман, ее программные позиции находятся «вблизи точки “медианного избирателя” по любым проблемным измерениям»⁴⁸. Согласно данным опроса ВЦИОМ, «у всех умеренных – и левых, и правых, и патриотов, есть больше того, что объединяет, чем разделяет. И это общее объединяющее начало оказывается достаточным для того, чтобы образовать мощную коалицию в самом центре политического спектра, вытеснив крайности на его периферию»⁴⁹. Эту коалицию и представляет «Единая Россия».

Следует отметить, что успех партии власти объясняется и тем, что «Единая Россия» сконцентрировала вокруг себя все ресурсы – организационно-административные, информационные, финансовые, имиджевые, агитационные и др. Видимо главный у ЕР ресурс – имиджевый. Эта партия позиционирует себя как «партия Путина», и поэтому выборы приобретают на федеральном уровне плебисцитарный характер (одобрение или нет деятельности В. Путина)⁵⁰.

Велика роль организационного ресурса в силу того, что политическая элита страны сконцентрирована в преобладающей массе в этой партии. Большой разрыв между партиями и в плане финансовых возможностей. Так, на выборах в октябре 2010 г. в Областную думу Белгородской области избирательный фонд «Единой России» составлял 19 млн. 750 тыс. (поддержку оказали более двух десятков организаций). У ее соперников избирательные фонды были неизмеримо меньше: КПРФ – 1 млн. 730 тысяч (только собственные средства), «Справедливая Россия» – 6 млн. (поддержку оказали 3 крупных кампании), ЛДПР 2 млн. 500 тыс. (собственные средства). И совсем незначительным избирательный фонд был у непарламентской партии «Патриоты России» – 134 тыс. (собственные средства)⁵¹. Различен и кадровый потенциал партий. На этих же выборах в Областную думу в списке от «Единой России» преобладала областная элита во главе с белгородским губернатором Е. Савченко в качестве своеобразного «паровоза». В списке же, например, ЛДПР были и один студент, и четверо «временно не работающих». Подобная картина и в других «невластных» партиях⁵².

Современное российское законодательство направлено на выравнивание возможностей различных политических сил. Устанавливаются предельные размеры избирательных фондов. Парламентские партии получили гарантии равного освещения их деятельности в государственных средствах массовой информации. Эта норма перенесена на региональные парламенты. Осуществлены или запланированы и другие изменения в законодательстве, содействующие упорядочению и обострению политической конкуренции. Однако это не устраняет реального неравенства политических сил и имеющая место динамика политической конкуренции, в целом, верно отражает расклад политических сил, и объясняют феномен электорального авторитаризма, когда население голосует за возможность одному человеку, опирающемуся на контролируруемую им партию, принимать основные политические решения.

⁴⁸ Гельман В.Я. Указ. соч. С. 143.

⁴⁹ Кризис и идейно-политические взгляды россиян: левый поворот или объединение вокруг власти // ВЦИОМ. Пресс-выпуск №1147. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=11340>

⁵⁰ Следует отметить, что на региональном уровне эта связь партии с В.Путиным в сознании населения ослабевает. На муниципальном уровне выборы уже не носят характер плебисцита. Именно здесь можно ожидать обострения межпартийной конкуренции.

⁵¹ См.: Сведения о поступлении и расходовании средств избирательных фондов избирательных объединений, выдвинувших зарегистрированные списки кандидатов в депутаты Белгородской областной Думы пятого созыва. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.belgorod.izbirkom.ru/WAY/2BCCoFAE-273E-4A1B-9213-BD213C4612CB.html>

⁵² Выборы депутатов Белгородской областной Думы пятого созыва [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.belgorod.izbirkom.ru/WAY/BE495B9C-0222-437C-BA85-86D606E0F51E.html>

DYNAMICS OF THE POLITICAL COMPETITION IN RUSSIA DURING THE POSTREORGANIZATION AND POST-SOVIET PERIODS

V.N. SHILOV
A.P. RYLKINA

*Belgorod National
Research University*

e-mail: Shilov@bsu.edu.ru

e-mail: rylkinaalla@rambler.ru

The reasons of high level of a political competition in Russia in 90th years of the last century and its decrease in the beginning of 21st century, factors promoting formation of electoral authoritarianism are analyzed. The relation of a political management of Russia to a competition, its management of a political competition is examined. The estimation of character and scales of falsifications on elections is given.

Keywords: political competition, elections, Russia, V.V. Putin, electorate, political elite, political culture, democracy, authoritarianism.